

Линь Чэнь с улыбкой произнес:

— Как только рекламу доснимем, сразу вернусь.

С этими словами он распаковал гостинцы, привезенные из аэропорта, и сказал:

— Я тут привез кое-какую еду для всех.

— Ха-ха, спасибо за заботу, — Фан Линь громко крикнул на всю съемочную площадку: — Все бросайте работу, идите попробуйте местные сладости, что Линь Чэнь привез!

В павильоне сразу стало шумно: художники, реквизиторы, хлопушки и остальные сотрудники с улыбками поспешили поздороваться. За те дни, что они провели вместе, все успели искренне полюбить этого немногословного высокого парня.

Некоторые даже не поленились и пересмотрели прошлые работы Линь Чэня, включая записи сценических выступлений, шоу и сериалы, где он появлялся в эпизодах.

После просмотра они надолго умолкли.

Лица похожи, но неужели всё остальное — правда один и тот же человек?

Не найдя ответа, они сошлись на том, что это всего лишь сценический образ, созданный для Линь Чэня компанией. Подумав об этом, сотрудники прониклись к нему еще большим сочувствием: обладая и талантом, и внешностью, он стал жертвой несправедливого отношения со стороны поганой конторы!

Поэтому все тайком и явно старались окружить Линь Чэня дополнительной заботой: покупая еду и напитки, обязательно спрашивали его мнение, на съемочной площадке то и дело справлялись о его самочувствии, а кое-кто даже вызвался помочь ему с полезными связями.

Линь Чэнь был тронут таким вниманием и принимал все добрые порывы с благодарностью.

Когда ему исполнилось двенадцать, родители погибли в автокатастрофе, и несколько лет его без особого энтузиазма растил Чэнь Мин. Всё-таки он оставался чужаком, в то время как все терпение и забота Чэнь Мина безраздельно принадлежали его собственному ребенку, так что Линь Чэнь почти не знал семейного тепла и участия. Позже Чэнь Мин отправил его на шоу на выживание, а после дебюта стал использовать как дойную корову — и та фальшивая забота, что хлынула следом, вызывала лишь тошноту.

А за те десять лет, что он провел внутри книги, старик занимал слишком высокое положение, и окружающие испытывали к нему лишь почтение и страх. Никто за целое десятилетие не

отнесся к нему искренне, поэтому, когда старик потерял власть, птицы разлетелись при падении дерева, и все предали его. В свой последний час он лежал в больничной палате в полном одиночестве и закрыл глаза посреди кромешного отчаяния.

Но теперь, кажется, что-то изменилось.

Линь Чэнь просидел на съемочной площадке до самого конца смены, а вечером Вэй Сяолун отвез его в отель. По дороге он смотрел в окно машины и вдруг вспомнил лицо Се Чубо.

Он спросил Вэй Сяолуна:

— Се... Се Чубо сейчас в Хэньдяне?

Вэй Сяолун, продолжая вести машину, ответил:

— Да уж. Брат Се последнее время постоянно занят в съемочной группе режиссера Цинь, кажется, до конца съемок еще больше месяца осталось.

Режиссер Цинь, о котором говорил Вэй Сяолун, был одним из пионеров отечественного кинематографа, снимавших патристические картины. По своему опыту он превосходил даже Фан Линя на два поколения, собрал все возможные награды и заслуженно считался столпом индустрии.

Проект, в котором участвовал Се Чубо, снимался к Национальному празднику и рассказывал о суровых буднях военных в годы войны. Се Чубо играл сапера: пусть и не главная роль, но объем работы предстоял огромный, и была надежда завоевать какую-нибудь награду, наглухо распахнув для себя двери в большое кино.

Машина плавно повернула, съезжая с главного шоссе. Во время остановки на красный свет светофора Вэй Сяолун огляделся по сторонам и вдруг сказал Линь Чэню:

— Вспомнил! Брат Се сегодня вечером снимается где-то поблизости, заглянем к нему?

До зеленого света оставалось еще секунд сорок.

Линь Чэнь молча достал телефон, открыл WeChat Се Чубо, набрал в строке ввода четыре слова: «Я вернулся», — но, подумав, стер их.

Он заблокировал экран, поднял голову и ответил Вэй Сяолуну:

— Ладно, поехали взглянем.

— Понял! — обрадовался Вэй Сяолун.

Обычно места съемок тщательно охранялись, посторонних туда не пускали, но Вэй Сяолун обладал широкими связями: перекинувшись парой слов с персоналом, он без проблем провел Линь Чэня внутрь.

Стоило только ступить за ограждение, как Линь Чэнь на секунду подумал, что случайно попал на настоящее поле боя где-то на Ближнем Востоке.

В ночной тьме бушевали языки пламени, оглушительный грохот взрывов и треск автоматных очередей сливались воедино. Кто-то истошно кричал и стонал, а кто-то, пробираясь сквозь свинцовый дождь, упрямо шел вперед.

Но Линь Чэнь появился не вовремя: едва он успел втянуться в происходящее, как раздался окрик «Стоп!», возвещавший об окончании этой жестокой штурмовой сцены.

Рабочие тут же бросились тушить огонь, а массовка, притворявшаяся мертвой на земле, начала подниматься одна за другой. Сквозь клубы дыма Линь Чэнь увидел человека, чье лицо, руки и одежда были сплошь залиты бурой кровью, идущего прямо из эпицентра пожара.

Отражения угасающего пламени мерцали на его фигуре. На резких чертах лица залегли следы грязи и копоти, а когда его узкие глубокие глаза упали на Линь Чэня, в них на миг мелькнуло удивление, которое, впрочем, быстро сменилось привычным выражением.

Се Чубо зашагал навстречу Линь Чэню.

Вне сцены и слепящих софитов он казался совсем другим: запекшаяся кровь и грязь пачкали его щеки и подбородок, из-за чего он выглядел так, будто только что вернулся с настоящей войны, а закаленный в огне черты лица казались еще более мужественными и волевыми.

В таком виде он выглядел чертовски привлекательно.

Се Чубо приближался не спеша. Подойдя ближе, Линь Чэнь заметил, что угол его глаза покраснел и слегка опух, судя по всему, получив травму.

Заметив, куда устремлен взгляд Линь Чэня, Се Чубо поднял руку и невольно коснулся виска, легко усмехнувшись:

— Пустяки, так, царапина.

Для айдола, чьим главным орудием было лицо, а особенно для звезды такого уровня, как Се Чубо, любые повреждения на коже не сулили ничего хорошего. Тем более что лицо из-за грима было густо покрыто бутафорской кровью и грязью, и малейшее заражение могло обернуться настоящей бедой.

Линь Чэнь из лучших побуждений напомнил:

— У тебя есть хлоргексидин и ватные палочки?

Се Чубо не ожидал такого вопроса, но, немного подумав, кивнул:

— Есть.

— Проводишь меня? — попросил Линь Чэнь.

Се Чубо молча развернулся и направился к гримеркам. Линь Чэнь последовал за ним по пятам. Оказавшись внутри, Се Чубо достал из шкафчика небольшую аптечку и извлек оттуда флакон с дезинфицирующим средством и упаковку палочек.

— Садись.

Линь Чэнь вытянул из стоявшей рядом пачки пару салфеток, смочил их питьевой водой и, слегка наклонившись, аккуратно стер грязь вокруг поврежденного глаза Се Чубо. Затем, обмакнув ватную палочку в хлоргексидин, он бережно обработал воспаленный ушиб.

Се Чубо сидел на стуле с абсолютно прямой спиной, положив руки на колени, — прямо как примерный ученик, боящийся пошевелиться.

Они находились очень близко.

Настолько близко, что Се Чубо отчетливо улавливал исходящий от Линь Чэня тонкий мятный аромат геля для душа.

Тот был полностью сосредоточен на обработке раны.

Се Чубо не удержался и поднял глаза, жадно изучая взглядом каждую черточку лица перед собой.

Глаза у Линь Чэня были округлой формы, радужка отливала янтарным оттенком, а длинные густые ресницы отбрасывали легкие тени на переносицу.

Словно почувствовав чужой взгляд, Линь Чэнь неожиданно замер. Он чуть приподнял веки и столкнулся с темными, спокойными глазами Се Чубо. В его чистых, прозрачных зрачках отражалось мужественное, резкое лицо парня.

— Хватит пялиться, я закончил.

Линь Чэнь выпрямился, выбросил использованную палочку и вытер руки салфеткой. Не дожидаясь ответа, он направился к выходу из гримерки.

Ушел он так же внезапно, как и появился.

Се Чубо проводил взглядом его слегка напряженную спину и невольно приподнял уголки губ.

— Спасибо.

* * *

Глава 14

Выйдя из гримерки, Линь Чэнь задрал голову к ночному небу и шумно выдохнул.

Он никак не ожидал, что его давно погрузившееся на дно сердце на те несколько секунд зрительного контакта с Се Чубо вдруг вспорхнет куда-то вверх, став легким и невесомым.

Должно быть, померещилось.

Линь Чэнь пытался утешить себя этими мыслями, как вдруг из темноты вынырнул запыхавшийся Вэй Сяолу...

— Брат Линь, ты куда пропал? Я тебя везде заждался!

Не успел он договорить, как его взгляд замер на лице Линь Чэня:

— Эй? Брат Линь, а почему у тебя лицо красное?

Тоже мне нашел о чем спросить!

Линь Чэнь с трудом сдержал желание закатить глаза и с каменным лицом бросил:

— Жар от костра.

— А-а-а.

Вэй Сяолун огляделся по сторонам и внутренне удивился: разве огонь не потушили еще давным-давно? Откуда тут жару взяться?

Под покровом густой ночи и неугасающих огней мегаполиса машина покинула съемочную площадку.

К моменту возвращения в отель ночь уже полностью вступила в свои права. Всю дорогу Линь Чэнь корил себя за то, что его черт дернул полезть обрабатывать Се Чубо рану. Теперь он потерял всякое спокойствие, чувствуя себя так, будто в грудь засунули инородный предмет, мешающий дышать.

Итог этого поступка не заставил себя ждать — он заработал бессонницу.

На следующее утро Вэй Сяолун занес ему завтрак и, заметив изможденный вид подопечного, испуганно ахнул:

— Брат Линь, на тебе лица нет!

Линь Чэнь хлопнул себя по щекам, пытаясь придать лицу бодрый вид:

— Все нормально.

Но Вэй Сяолун не унимался:

— Я же видел, вчера вечером ты какой-то странный был, неужели заболел?! Давай все-таки съездим в больницу!

Опять двадцать пять!

Лицо Линь Чэня помрачнело:

— Я в порядке. Сначала на площадку.

Вэй Сяолун хотел еще что-то сказать, но, увидев твердую решимость на лице Линь Чэня,

благоразумно промолчал. После завтрака он прихватил с собой немного лекарств на всякий случай, и они отправились на съемки.

На утро у Линь Чэня была запланирована тяжелая сцена с противостоянием персонажу Ци Минцяня. С точки зрения сюжета, это был один из ключевых узлов конфликта для Юй Цэня во всей истории.

Главный герой Гу Сыюань случайно узнает о тайных делах Юй Цэня и в гневе прибегает потребовать ответа. По сценарию разъяренный Гу Сыюань должен был размашисто ударить Юй Цэня в лицо, не скрывавшего своей безобидной улыбки.

Разумеется, бить по-настоящему никто не собирался, Фан Линь планировал снять всё с помощью ракурсов камеры.

Появившись на площадке, Линь Чэнь заранее наложил грим, чтобы скрыть следы усталости, после чего присел рядом с Фан Линем перед монитором, дожидаясь окончания текущей сцены Ци Минцяня.

Ци Минцянь обладал безупречным актерским мастерством и прекрасной дикцией. Когда сцена подходила к концу, режиссер Фан внезапно повернул голову, переведя взгляд с монитора на лицо Линь Чэня, и с улыбкой спросил:

— Нервничаешь?

Линь Чэнь немного помолчал:

— Есть немного.

— Как-никак Сяо Ци номинировался на звание лучшего актера, волноваться нормально, — Фан Линь хлопнул его по плечу. — Но я в тебя верю.

Линь Чэнь кивнул.

Вскоре дубль с Ци Минцянем завершился. Приняв из рук ассистента бутылку с водой, актер направился к Фан Линю и, свысока бросив взгляд на Линь Чэня, внезапно произнес:

— Режиссер Фан, я бы хотел, чтобы следующий дубль вышел более естественным.

— Вот как? — удивился Фан Линь. — И что у тебя за мысли?

Уголки губ Ци Минцяня изогнулись в едва заметной усмешке:

— В нашей совместной сцене с Линь Чэнем я против того, чтобы использовать обманные ракурсы. На мой взгляд, для настоящего актера существуют два важнейших критерия: профессионализм и самоотдача.

Словно желая заручиться поддержкой Линь Чэня, он добавил:

— Как думаешь, Линь Чэнь?

Этой речью он начисто отрезал Линь Чэню пути к отступлению: согласись он — и придется по-настоящему огрести по лицу, откажись — и тут же получит клеймо непрофессионала.

<http://bllate.org/book/28310/3422072>